

*Оуэну, который дал крылья
замыслу этой истории*

Понедельник, 11 ноября

1

В три часа двадцать три минуты ночи позвонили из больницы и сказали, что нашлось сердце. Так это звучало даже забавно, будто кто-то нашел его в мусорной корзине или на крыльце, как иногда в новостях говорят о младенцах.

Только на самом деле всё по-другому.

На самом деле они имели в виду, что кто-то умер. Незнакомый нам человек с донорской карточкой перестал быть живым. Трудно не думать о семье этого человека и о том, что работникам больницы пришлось сообщить им сегодня вечером. Но без этого донорского сердца мой маленький братик тоже перестанет жить.

И потому я считаю, что нам сейчас повезло.

Узнаю я об этом первым делом по пиликанью где-то возле головы. Это самая любимая и надоедливая шуточка моего брата Тео. В прошлый раз он поставил мне будильник на три часа ночи. Я ему отплатила, напихав сыра в его наволочку. Но сейчас

постельное белье стираю в основном я, и сыр покупаю тоже, так что теперь веду себя немножко более разумно.

Пиликанье продолжается. Это не мой будильник. Мозг начинает просыпаться, и я вспоминаю, что свалить все на Тео не получится. В последние пару недель он спит в гостиной, потому что больше не может подняться по лестнице. Когда мы перенесли его кровать и увешали все плакатами с «Доктором Кто», гостиная стала выглядеть совсем как обычная детская спальня, если не обращать внимания на кислородный баллон и пластиковую коробочку с таблетками.

Пищит за соседней дверью — похоже на мамин пейджер, его выдали в больнице для срочных сообщений. У меня внутри все сжимается.

Слышится стук: что-то падает. Потом доносится: «Уй!» Пиликанье прекращается.

Теперь открывается дверь. Судя по скрипу третьей ступеньки, мама спускается на первый этаж. Щелкает выключатель в кухне, и она начинает говорить, очень быстро. Я лежу тихо-тихо, чтобы услышать.

— Мы приедем, доктор, — говорит мама.

Два года назад Тео задул свечи на именинном торте одним долгим «ффух» и вдруг упал на ковер прямо перед нами. Мы подумали, что он дурачится, но его губы посинели, как после долгого купания в море.

Когда приехала скорая, мама пыталась вести себя уверенно и жизнерадостно, даже предложила врачам торта Тео. Потом начались обследования в больницах: рентгены, томографии, иголки,

оставлявшие синяки на руках Тео, — после этого сохранять жизнерадостность становилось все труднее. Какой-то вирус поселился в сердце моего брата и разрушает его, — так сказали врачи, и вообще-то такое может случиться с кем угодно. Вот только Тео не «кто угодно», и эта дурацкая случайность взяла и произошла с нами.

Теперь слышится другое «бип-бип-бип»: это мама отправляет сообщение. Потом будит Тео. Я не слышу слов, но говорит она воодушевленно, будто сообщает, что мы едем в какое-то ужасно интересное место. Потом она поднимается обратно и открывает мою дверь.

— Элис, — шепчет мама, — ты проснулась?

Я проснулась. Сна уже ни в одном глазу — как будто мне плеснули в лицо водой.

— Что там? — спрашиваю я.

— Появилось сердце.

Во мне все сжимается еще сильнее. Я вылезая из постели и включаю лампочку у кровати.

— И оно?..

Мама прислоняется к косяку двери. Волосы у нее растрепаны. Она улыбается и плачет одновременно.

— Да, — говорит она, — полная совместимость.

* * *

Через двадцать минут мы уже сидим в машине. Больница в Лондоне, а до него сто десять миль на юг по шоссе. Нам нужно торопиться, потому что донорское сердце долго не живет. Его обкладывают льдом и накачивают калийным

раствором, чтобы оно перестало биться. Потом оно годится для пересадки всего четыре часа, максимум шесть.

Тео сидит сзади, в носу у него трубка с кислородом. Он ухитрился протащить с собой игрушечных динозавров, и теперь по всему сиденью валяются тираннозавры, диплодоки и трицератопсы.

— Тебе придется отдать их всех маме, когда мы приедем, братец, — говорю я, застегивая ремень.

— Правда, мам? — встревоженно спрашивает Тео.

Мама смотрит в зеркало заднего вида:

— Не беспокойся, милый, я слышала, медсестры *просто обожают* динозавров. — На меня она зыркает сердито.

— Что? — не понимаю я. — Там было сказано «никаких игрушек» — в том буклете из больницы, — потому что микробы.

— Я знаю, — отвечает мама. Я чувствую, что сейчас она не хочет об этом думать. Очень многое может пойти не так, и в тех бумажках написано далеко не все. — Давайте лучше думать о чем-нибудь приятном... ну, я не знаю... о шоколадном торте или Рождестве, или...

— ...единорогах и феях. — Я сползаю пониже. — Ладно, я все поняла.

Мы проезжаем по главной улице нашего городка, мимо магазинов, потом пабов, потом ресторанчиков с едой навынос. Мама едет быстрее, чем обычно.

— Ты не завезешь меня к Лекси? — спрашиваю я, когда мы проезжаем поворот к дому моей лучшей подружки. Мы так запланирова-

ли еще с тех пор, как узнали, что Тео понадобится пересадка. В больнице будет место для мамы, но не для меня.

— Прости, радость моя. — Она похлопывает меня по колену. — Я написала ее маме, но они не смогут принять тебя сегодня. Ей кажется, что ребенок уже готов появиться. Вот выбрал время, да?

Я смотрю в окно, прикусив губу: «Только без слез. Не сейчас».

— Ты расстроилась? — спрашивает мама.

Я пожимаю плечами. Пожить у Лекси — такой подарок в последнее время. Это получается очень редко, ведь мама все время работает, а Тео болен. Но теперь скоро родится ребенок, и Лекси будет так этому рада, что я не могу даже толком обидеться. Да и ее бедная мама Кейт выглядит так, будто вот-вот лопнет.

— Значит, я еду в больницу?

— Только до тех пор, пока что-то не определится.

Мне не нравится, как это звучит: в смысле, вряд ли я смогу пожить у папы или что-то в этом роде. Разве что она придумала отправить меня одну до самого Девона.

— Я и одна дома буду в порядке, ты же знаешь. Я *прекрасно* могу о себе позаботиться, — говорю я.

— Я в этом ни минуты не сомневаюсь, солнышко, — отвечает мама. — Но тебе еще нет шестнадцати, так что закон рекомендует не оставлять тебя одну на ночь.

У меня внутри все как будто ухает куда-то. Таких вещей моя мама обычно не знает — или не говорит.

Шоссе почти пустое. Начинается дождь. Тео затих на заднем сиденье, и я поворачиваюсь проверить, все ли с ним в порядке. Он крепко спит, зажав в каждой руке по тираннозавру. Я приглядываюсь: просто хочется убедиться, что он дышит. Я никому не рассказываю, что делаю это, но в последнее время проверяю до ужаса часто.

Мы все ближе подъезжаем к Лондону, и машин становится больше. Асфальт шуршит под дождем. К шести часам мы останавливаемся у громадного старинного здания, почти во всех окнах которого горит свет. В такое время больница выглядит совсем по-другому: она похожа на гостиницу или дом с шикарными квартирами.

Мама достает Тео из машины. Он по-прежнему спит, так что, по счастью, не поднимает шум из-за динозавров. Я вынимаю из его рук тираннозавров, остальные так и валяются в машине вместе с моими вещами, которые я взяла к Лекси. Мы входим в больницу через раздвижные двери — мама одной рукой тащит Тео, а другой маленькую тележку с кислородом для него. Двери за нами закрываются. Внутри очень яркий свет и жарко. Слышится жужжание поломочных машин, запах антисепти-

ка смешивается с какими-то кухонными ароматами. Мы подходим туда, где сидит, почти скрывшись за стойкой, человек.

— Здравствуйте, у нас срочная госпитализация, — говорит мама. — Имя — Тео Кэмпбелл, палата — «Гепард».

Человек целую вечность смотрит на экран. Мама пересаживает Тео себе на бедро. Видно, что она страшно нервничает. Она ловит мой взгляд и подмигивает — это такой способ спросить, как я. Я пытаюсь улыбнуться в ответ, но мне нехорошо: как-то мутит. Вдруг мама вглядывается во что-то поверх головы Тео:

— Ух, надо же. Это, похоже, она!

Я поворачиваюсь и вижу женщину в длинном темном пальто, но не узнаю ее. Она стоит у входа. Позади нее раздвижные двери все время открываются и захлопываются.

Мама идет к ней.

— Нелл! — кричит она.

Я бреду вслед за ней. Вблизи женщина выглядит старой — не совсем старушкой, но куда старше мамы. Она очень худая и высокая, с седой косой на плече. К ее куртке приколот мак с Дня памяти павших¹. Потом я замечаю ее руки — они

---

¹ День памяти павших (англ. Remembrance Day) — памятный день в странах Британского содружества наций, отмечаемый ежегодно 11 ноября и призванный увековечить память всех солдат Британского содружества, погибших в конфликтах с участием Великобритании. Начал отмечаться в 1919 г. по распоряжению короля Георга V. Также известен в народе как «Маковый день» (англ. Poppy Day), поскольку его символом является красный мак.

огромные, как у пугала; под ногтями грязь. Женщина так и не пошевелилась. Двери все открываются-закрываются, открываются-закрываются. Отпустив тележку Тео, мама показывает ей пройти чуть вперед. Наконец дверь закрывается.

— *Огромное* спасибо, что вы приехали так сразу, — говорит мама. — Я не знала, кому еще позвонить.

— Я так понимаю, Дэвиду ты пробовала? — спрашивает женщина.

Мои уши сами собой настораживаются, потому что Дэвид — это папино имя. Около трех лет назад он нашел работу по дизайну деревянных домов, которая предполагала переезд в Девон. Но мама сказала, что не хочет жить там, где коров больше, чем людей. Если папа желает, чтобы мы поехали с ним, заявила она, тогда надо уже пожениться — и так долго тянули. Но вместо предложения были крики и ссоры. В результате папа уехал в Девон один.

— Я оставила ему сообщение, — говорит мама. — Но подозреваю, он еще спит.

Женщина фыркает:

— Да, наверняка будут какие-то отговорки. Как и всегда.

Мне не нравится, что она так говорит, хотя в последнее время мы и правда не очень часто виделись с папой. Он очень занят на работе — так он говорит — и с новой маленькой дочкой. Теперь я задумываюсь, а вдруг это тоже отговорки.

— Нелл, вы же помните Элис, мою старшую? — говорит мама, чуть слишком оживленно. Я понимаю, что она изо всех сил старается держать себя в руках.

Но женщина продолжает во все глаза смотреть на маму:

— Сколько же мы с тобой не виделись, Кэри — лет десять?

Она продолжает говорить. У нее звучный голос, в нашей семье ни у кого такого нет — ну, кроме папы. И тут до меня доходит, кто это. У меня отвисает челюсть, а мама нас представляет:

— Элис, это твоя бабушка с папиной стороны. Ты не видела ее с тех пор, как была совсем малышкой. Но она собирается позаботиться о тебе некоторое время, и мы очень благодарны, правда?

Благодарны? Да я вообще эту женщину не знаю! Я ее совсем не помню. Прижимаясь к маме, я шепчу ей на ухо:

— Я прекрасно справлюсь сама. Ты же знаешь.

— Прости, солнышко, — шепчет в ответ мама. — Нелл классная, правда. Просто постарайся хорошо себя вести. Ты не пробудешь у нее долго.

— Может, я лучше пойду с тобой? Я не буду мешать.

Мама вздыхает:

— Элис, мы же уже сто раз это обсуждали. Здесь могут разместить только меня. В палате куча народу. Там нет места для сестер пациентов.

Я прикусываю задрожавшую губу. Позади нас звонит телефон. Глубоко в маминой сумке пищит больничный пейджер. Человек за стойкой регистратуры зовет маму:

— Ау! Вы нужны им сейчас. Его готовы принять в операционной.

Я тут же злюсь на себя, что так разнылась. Тео стонет у мамы на руках и начинает просыпаться.

Он трет глаза и кашляет своим обычным мокрым кашлем. По привычке я проверяю кислородную трубку — она в порядке. Она всегда в порядке, проблема не в кислороде.

Мама обнимает меня свободной рукой. От нее так пахнет домом.

— Я позвоню тебе, как только все закончится.

— Когда можно будет вас навестить?

— Надеюсь, через денек-другой.

Все происходит слишком быстро. Я не готова уезжать. Тео бледный и сонный, как маленький зверек, висящий на маме.

— Держись, братишка, — говорю я, изо всех сил стараясь не разреветься. — Скоро приду тебя навестить.

— Честное слово, Элис? — спрашивает он.

— Честное слово.

— Честное-честное?

— Честное-пречестное.

Он вздыхает и закрывает глаза.

«Мои вещи!» — вдруг вспоминаю я: они так и остались в машине. Человек за стойкой торопит маму. Она суетится и чуть не роняет Тео, роясь одной рукой в сумке в поисках ключей. Как обычно, они на самом дне. Мама отдает их мне, ее пальцы дрожат.

— Я оставлю их на ресепшене, — говорю я.

Мама, пятясь, посылает мне воздушный поцелуй:

— Позвоню.

К тому времени как я забираю вещи из машины, а потом брякаю мамины ключи на стойку регистратуры, Нелл в холле больницы уже нет. В конце концов я вижу, что она ждет меня на другой сто-

роне улицы. Как только я подхожу, она срывается с места.

— Мы едем прямо домой? — спрашиваю я.

— Да.

Я с облегчением киваю. По крайней мере, я буду у себя дома, в собственной кровати. А с Лекси увижусь попозже в школе, и мне станет лучше. Мы пересееаем еще одну улицу и заходим на автостоянку. Нелл возится с замком машины, которая на вид даже старше нашей.

На заднем сиденье что-то шевелится, я аж подпрыгиваю.

— Ты же не боишься собак? — спрашивает Нелл.

Вообще нет, но эта здоровенная. Когда Нелл открывает дверь и я сажусь, в лицо мне ударяет запах псины.

— Он, на самом деле, милашка, — говорит Нелл, оборачиваясь и глядя пса по голове.

— Но наш дом не настолько большой, — с сомнением говорю я. — А он... ну... просто громадина.

Нелл заводит машину.

— Мы едем не к тебе домой, Элис. Ты едешь ко мне, в мой дом. Тебе мать не объяснила?

— Нет. — Я стискиваю зубы. — Не объяснила.

3

К концу дороги я уже знаю, что не стоит называть ее бабушкой или, еще того хуже, бабулей — ее зовут Нелл. Она ничего не говорит о папе, сказала только, что ненавидит больницы. Когда я спрашиваю почему, она кривится.

— Скверное место, — отвечает она. — Просто скверное.

Вонючего пса зовут Боридж. Он серый и лохматый, у него собачьи брови, и он точь-в-точь как человек откидывается на спинку сиденья, упираясь лапами, когда машина поворачивает. Значит, вот с ними я проведу следующие не-знаю-сколько дней. Честно говоря, мне было бы гораздо лучше дома одной.

До дома Нелл мы едем от Лондона два часа. Уже совсем светло. Последние несколько миль — по проселкам, где посередине между колеями растет трава. Мобильный сигнал в моем телефоне пропадает. Выглядит все это не особенно многообещающе.

Потом проселок разделяется надвое. Мы едем по правой дороге, которая быстро превращается в совсем уж тропинку и круто идет вниз. Так она тянется зубдробительные полмили, а затем закан-

чивается у ворот из пяти горизонтальных брусьев. Дом стоит сразу за ними, окруженный деревьями — и то и другое выглядит по-настоящему старым. Дом сложен из серого камня, у него забавные окна с арками и такая широкая и темная парадная дверь, что сразу вспоминаются замки. Называется он «Сумеречный коттедж» — так написано на воротах медными буквами, прибитыми к перекладинам. Забавное название: будто из какой-то старинной легенды.

— А почему дом так называется? — спрашиваю я.

— Он получил имя от этого леса. — Нелл указывает на деревья, окружающие дом с трех сторон. — Ему подходит, как думаешь?

Не знаю. По-моему, звучит немного зловеще.

— А папа привозил нас сюда, когда мы были маленькими? — спрашиваю я. — Если привозил, то я не помню.

— Нет, не привозил, — отвечает Нелл.

Только я открываю рот, спросить «Почему?», как она меня опережает:

— Ты задаешь очень много вопросов.

Ровно два с половиной.

— Откроешь ворота, хорошо? — спрашивает Нелл. — И выпусти собаку из машины.

Я делаю, как она говорит. Боридж скачет прочь на длинных нескладных ногах. Он больше похож на жеребенка, чем на пса.

Нелл паркует машину, я достаю свои сумки и иду за ней к задней двери дома. Стоит прекрасное ясное утро, но сюда солнце пока не добралось — все белое от инея. Я подозреваю, что это деревья

бросают такую тень: они подходят прямо к забору с трех сторон. Сам сад выглядит ухоженным — не то что наш, сейчас по щиколотку заваленный опавшими листьями.

— Вам нравится заниматься садом? — спрашиваю я и тут же понимаю, что задала еще один вопрос.

Нелл делает такое же лицо, как когда мы говорили про больницы.

— Если бы у меня был сад, хоть сколько-нибудь этого достойный, то да, — отвечает она. — Видишь, вот там земля вспучивается?

Она указывает на нашу сторону забора. Вдоль него земля выглядит неровной, даже бугристой, особенно ближе к дому.

— Древесные корни. — Она так мотает головой, говоря о них, как будто ей совершенно некогда всем этим заниматься. — Если эти проклятушки штуквины вырастут еще ближе к дому, это станет опасно.

— Почему?

— Понимаешь, у старых домов вроде моего нет глубокого фундамента, так что если корни будут расти слишком близко, они иссушат почву, и дом станет неустойчивым. Это называется «осадка», или проседание почвы. Да и сами деревья стоят ненадежно. Одна приличная буря — и любое из них может рухнуть на дом.

— О! Понятно, — нервно отвечаю я.

— Это, конечно, худший сценарий, но эти деревья — прямо наказание: высасывают все соки из почвы и из-за них везде темно. Вот поэтому я и решила вырубить этот лес.

— Вы срубите вот это всё?

Это кажется несколько радикальным решением.

— Не надо приходить в такой ужас, — говорит Нелл. — Здесь всего три акра — *моей* земли, спешу заметить.

Мы молча стоим и смотрим на деревья. Они старые и корявые, и такие высокие, что мне придется запрокидывать голову, чтобы увидеть их целиком. Прямо на макушках — вороны гнезда. Мы спугнули ворон, и они летают над нами с унылым карканьем, от которого у меня мурашки бегут.

— Ты замерзла. Иди в дом, — говорит Нелл, вручая мне ключ от двери. — Я сейчас приду, позавтракаем.

Я не успеваю спросить, какая спальня моя, — Нелл уходит куда-то через газон.

Внутри дом кажется еще более старым. Не зная, куда мне деться, я ставлю сумки в прихожей. Нелл права, здесь темно — так темно, что мне приходится включить свет. Кроме того, тут нет интернета. И телика. И мобильного сигнала, так что я не могу позвонить Лекси и узнать, стала она уже сестрой или нет.

Внизу три здоровенные комнаты, страшно холодные и пахнущие сыростью, и кухня размером со школьный класс. Я устраиваюсь в ней: тут стоит старинная плита, которая топится углем, и поэтому гораздо теплее.

Все утро я держу кухонную дверь приоткрытой, чтобы услышать телефон в прихожей, когда позвонит мама. Боридж лежит на моих ногах, словно гигантская волосатая бутылка с горячей водой. Время тянется медленнее медленного. Но мое внимание

скачет с одного на другое, и когда я пытаюсь почитать книгу или поделаться домашку, то не могу ни на чем сосредоточиться. В конце концов, найдя в школьной сумке бумагу, я делаю для Тео открытку с пожеланием скорее выздоравливать. По крайней мере, теперь у меня есть чем его порадовать, когда приеду навестить. Нельзя сказать, что я умею рисовать, но ему все равно понравится, потому что ее сделала я — пусть даже мои тираннозавры больше похожи на хрюшек-убийц.

Наконец почти сразу после двух звонит мама.

— Все, закончилось, — говорит она. — Операция прошла великолепно. Он такой храбрый парень.

Мы обе плачем в трубку — наверное, от облегчения. Потом мама снова переключается на бодрый жизнерадостный тон.

— А ты там как? — спрашивает она, проглатывая слезы.

— Я в порядке. А тебе удалось поймать папу?

Пауза.

— Я оставила ему еще одно сообщение. Он, наверное, был в мастерской и не слышал телефон.

Я вспоминаю, что Нелл говорила насчет отговорок. Теперь мама придумывает их за папу, что, честно говоря, очень странно.

— Как там у вас с Нелл? — спрашивает мама.

— Дом совсем старинный. Тут нет центрального отопления, интернета и вообще ничего.

— Ох ты ж, серьезно?

Я больше почти ничего не рассказываю, потому что не хочу, чтобы она беспокоилась, так что все заканчивается маминой жизнерадостной болтов-

ней. Я, конечно, немного нервничаю, но она как-то уж слишком старается говорить обычным тоном.

* * *

День тянется дальше. Заняться здесь нечем. Потом наступает обед. Нелл достает что-то из морозильника и готовит в микроволновке на максимуме. В итоге мы получаем нечто похожее с виду на говядину, но такое резиновое, что мне приходится запивать его водой. Нелл уже доела, а я не справилась и с половиной своей порции.

— А ты, я смотрю, привередливая, — говорит она. — Твой отец тоже вечно ковырялся в еде...

Она замолкает, как будто поймала себя на слове. Да и я не очень-то хочу, чтобы она говорила про папу. От одного упоминания о нем мне хочется что-нибудь пнуть, да посильнее. Как он может не отвечать на свой дурацкий телефон — и не когда-нибудь, а сегодня?

Нелл видит, что я расстроилась. Она больше ничего не говорит про ужин, к которому я едва притронулась, а вместо этого делает мне кофе с горкой сахара.

— Я буду в библиотеке заниматься бумагами, — говорит она и исчезает.

Некоторое время я сижу, спрятав лицо в ладонях, и чувствуя себя абсолютно несчастной. Но потом под столом слышится сопение, и мне на колено ложится лохматый серый нос Бориджа. Снаружи деревья под ветром издают странное не то гудение, не то жужжание. Не могу себе представить, каково это — вырасти здесь, в доме без телевизора и отопления, за милю от всего, как папа.

Правда прямо сейчас я и папу представить не могу. Помню, поначалу, когда он только уехал в Девон, мама часто плакала, а в мусорном ящике постоянно копились винные бутылки. Мы видели папу раз в месяц на выходных, и это было очень странно. Когда Тео вдруг заболел, кажется, мы надеялись, что папа вернется домой. Но он не вернулся. К тому времени он уже два года не жил с нами, и у него завелась девушка по имени Лара. Этим летом у них родился ребенок, маленькая девочка Полли. Мы с Тео ее еще не видели, потому что с тех пор как она родилась, наш папа все время был очень, очень занят.

Или, как сказала Нелл, начал придумывать отговорки.

Уже ночь. Я лежу в постели — в пижаме, носках, двух свитерах и шапке с помпоном: я связала ее сама и очень ею горжусь. По-моему, мне никогда в жизни не было так холодно. Нелл поселила меня в мансардной спальне, на самом верху дома. Комната оклеена древними на вид обоями, от которых в глазах рябит, потому что на них сплошь полосы из желтых розочек. Здесь нет никакой батареи или обогревателя. Даже толстого пухового одеяла нет: вместо него тонкие шерстяные, а еще полосатые простыни и узкая железная кровать, как будто прямиком из «Оливера Твиста» — нельзя сказать, что удобная.

А вот в больницах всегда тепло. Интересно, Тео сейчас проснулся или спит? В любом случае мама будет с ним. Может, в том роддоме, где рожают мама Лекси, детей в палаты и пускают — а может, пустят только тетю Джен. Моей маме придется спать на диванчике в палате Тео — так было написано в больничном буклете про палату «Гепард». И я рада, что он там не один, но без них очень непривычно, как будто вокруг меня везде пустота — там, где раньше были мама и Тео.